

Лимонова Мария Александровна

доктор исторических наук, доцент, профессор
кафедры теоретической и специальной социологии
Института социально-гуманитарного образования
Московского педагогического
государственного университета

Лоскутова Ирина Мироновна

доктор социологических наук, доцент, профессор
кафедры теоретической и специальной социологии
Института социально-гуманитарного образования
Московского педагогического
государственного университета

Синяев Максим Викторович

кандидат политических наук, доцент, доцент
кафедры теоретической и специальной социологии
Института социально-гуманитарного образования
Московского педагогического
государственного университета

РЕНТНЫЙ ХАРАКТЕР РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИКИ КАК ФАКТОР РИСКА В СТАНОВЛЕНИИ СОЦИАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВА В РФ

Аннотация:

В статье произведен анализ влияния рентного характера российской экономики на становление социального государства. Отмечается, что социальное государство в России возникло не в ходе длительного исторического развития, а как ответ на глобальный социально-экономический кризис 1990-х гг. Это привело к его хаотичной эволюции, связанной не столько с наличием единой стратегии, сколько с необходимостью реагировать на быстрые изменения внешних условий. Рентный характер российской экономики обусловлен тем, что значительная часть государственного бюджета формируется за счет природных ресурсов, в добыче которых занята сравнительно небольшая группа населения, а не благодаря тем или иным вложениям человеческого труда. В силу того, что значительная часть доходов страны создается небольшими группами населения, формируется целый кластер социальных, технологических, политических и экономических рисков. В работе анализируются риски, влияющие на становление и развитие социального государства. Главным оказывается риск формирования определенной модели социального государства, в котором люди воспринимаются не как равноправные участники диалога, а как просители, которым надо выделить какие-то ресурсы, чтобы избежать социальных волнений. Подобная модель не может активно воздействовать на происходящие в обществе процессы (особенно только формирующиеся), так как не подразумевает полноценной системы коммуникации с обществом, потому что изначально не выросла из общества, а надстраивалась над ним.

Ключевые слова:

социальное государство, социальные риски, рентная экономика, социальные слои, бюрократия, социальные институты, социальные конфликты.

Limonova Mariya Aleksandrovna

D.Phil. in History, Professor,
Theoretical and Special Sociology Department,
Institute of Social Education and Humanities,
Moscow State University of Education

Loskutova Irina Mironovna

D.Phil. in Social Science, Professor,
Theoretical and Special Sociology Department,
Institute of Social Education and Humanities,
Moscow State University of Education

Sinyayev Maksim Viktorovich

PhD in Political Science, Associate Professor,
Theoretical and Special Sociology Department,
Institute of Social Education and Humanities,
Moscow State University of Education

THE RENTAL NATURE OF THE RUSSIAN ECONOMY AS A RISK FACTOR IN THE WELFARE STATE DEVELOPMENT IN THE RUSSIAN FEDERATION

Summary:

The study analyzes the impact of the Russian rental economy on the establishment of the welfare state. Russian welfare state has emerged from a global social and economic crisis in the 1990s rather than against a background of its long historical development. This has led to its chaotic evolution caused by the need to meet rapid changes in the external environment instead of a common strategy. Russian economy is of a rental nature since the state budget is mainly based on the natural resources extracted by a small group of people, and it does not involve any human labor investment. Since small groups of people generate much of the country's revenue, modern society faces a cluster of social, technological, political, and economic risks. The research analyzes the risks affecting the welfare state development. One should avoid creating the welfare state model that fails to consider people as equal partners and treats them as supplicants in need of any resources to avert social unrest. It is impossible for this model to affect the emerging social processes because of a flawed communication with society and its over-society nature.

Keywords:

welfare state, social risks, rental economy, social strata, bureaucracy, social institutions, social conflicts.

Несмотря на то что социальный характер государства в Российской Федерации закреплен в Конституции РФ, процесс становления социального государства и целой системы связанных с ним институтов в реальности еще далек от своего завершения. Начало этого процесса обычно связывают с крушением советской политической и экономической системы и переходом к рыночным отношениям. Реформы привели фактически к разрушению функционировавших в то время социально-экономических институтов, в первую очередь в сфере производства. Это вызвало сокращение числа рабочих мест, изменение социальной и профессиональной структуры, расселения населения по территории страны, массовое обнищание граждан и появление многочисленных социально уязвимых категорий населения. В условиях практического прекращения производительной экономической деятельности в новой России сформировались социальные слои, остро нуждавшиеся в государственной поддержке, но не получавшие ее в силу отсутствия необходимых для этого ресурсов и механизмов их распределения.

Со временем население практически исчерпало свои накопления, закончился остаточный ресурс систем здравоохранения, образования и социального обеспечения. Сложилась классическая для небогатых кризисных стран ситуация, когда те или иные социальные и политические права и свободы заявлены на бумаге, но практически не существуют в реальности. Политическая стабильность в стране резко снизилась, неприятие реформ носило массовый характер, социально-психологический климат характеризовался апатией и аномией. Разрыв доходов между регионами привел к тому, что Россия разделилась на две неравные части: регионы-доноры и дотационные регионы. Будущее начинало приобретать угрожающие формы, связанные с массовыми беспорядками и угрозой политического распада территории, которая уже давно утратила экономическое единство.

Нельзя сказать, что кризисность ситуации не осознавалась обществом и властью. Примерно с конца 1990-х гг. предпринимались попытки стабилизировать ситуацию, в частности начать реформирование системы социального обеспечения. Классическая советская модель системы социального обеспечения предполагала серьезную зависимость от перечислений из государственного бюджета [1]. Поскольку почти утратившее контроль над экономикой российское государство испытывало серьезные проблемы с наполнением бюджета, эта модель не могла рассматриваться в качестве перспективной в сложившихся условиях.

В конце 1990-х гг. особую популярность приобрела идея создания и развития системы социального страхования. Ее суть сводилась к тому, чтобы трудоспособные граждане отчисляли часть своих доходов в специальные фонды – Федеральный и региональные фонды обязательного медицинского страхования, Пенсионный фонд РФ, Фонд социального страхования Российской Федерации, Государственный фонд занятости, которые потом будут осуществлять поддержку нуждающихся групп населения. Государство формально не имело отношения к этим фондам и не обязано было участвовать в выплатах. Эти фонды в какой-то мере смогли смягчить последствия перехода от плановой, промышленной и производящей экономики к рыночной, сырьевой и добывающей, но говорить о высоких стандартах социального обеспечения в то время не приходилось.

Любая модель социального государства вне зависимости от условий его возникновения и существования так или иначе сталкивается с необходимостью реализовывать следующие базовые направления деятельности.

Во-первых, социальная защита или социальное обеспечение, т. е. система институтов, созданных для поддержания уровня жизни основной массы населения на определенном признанном в данном обществе разумным и естественным уровне. Эта же система занимается последовательным и целенаправленным проведением в жизнь социальной политики государства.

Во-вторых, социальное страхование, под которым мы будем понимать систему финансовых институтов, носящих частично государственный, частично общественный характер, основная цель которых состоит в том, чтобы аккумулировать финансовые средства, а затем использовать их для финансирования социальной политики государства.

В-третьих, социальное вспомоществование, под которым мы будем понимать систему государственной поддержки различных социально незащищенных слоев населения (пенсионеры, дети, лица, оказавшиеся в кризисной ситуации, и т. д.).

В 1990-х гг. эта система начала формироваться на принципах в первую очередь социального страхования при минимально возможном участии государства.

Однако начиная с 2001 г. процесс начинает идти в обратном направлении. Был ликвидирован Государственный фонд занятости, а страховые взносы работодателей в государственные фонды были заменены так называемым единым социальным налогом. Фактически произошла замена взносов налогами, средства же, вносимые в качестве налогов, утратили свой целевой характер. Можно сказать, что произошел отказ от страховой модели социального обеспечения и продвижение в сторону гибридной модели, которая включает в себя механизмы социального страхования и государственного обеспечения.

Мы можем говорить о существовании ряда этапов в становлении социального государства в РФ.

Первый этап – 1991–1998 гг. Старая советская система разрушена, государство ушло из экономики, началось резкое падение уровня жизни, социальное расслоение и т. д. Рубежом этого этапа обычно называют 1998 год, когда кризис финансовой системы подвел страну к «дефолту». Именно в это время наблюдаются первые попытки реализации новой социальной политики на принципах социального страхования.

Второй этап – 1998–2008 гг. Разрешен или, вернее, приглушен ряд базовых политических конфликтов, что совпало с ростом цен на углеводороды. Это привело к умеренному экономическому росту и попыткам реализации первых социальных программ. Государство возвращается в экономику, система независимого от государства социального страхования замещается иной моделью, в основе которой лежат государственные трансферты. Проводятся пенсионная реформа, монетизация льгот, мероприятия по росту заработной платы в тех секторах экономики, где велико влияние государства. Для реализации этих мероприятий вводятся 13 %-й подоходный налог и единый социальный налог.

Третий этап – 2008–2014 гг. Предпринимаются попытки перейти от стабилизации положения различных социально незащищенных групп к проведению более активной социальной политики, направленной на перспективу и учет возникающих перед страной проблем в будущем. Первое время речь шла о так называемых национальных приоритетах, связанных с демографией, образованием, медициной, борьбой с бедностью. Программа могла рассматриваться как определенный прогресс по сравнению с предшествующими этапами. Однако изначально был определен временный характер мероприятий: например, материнский капитал был рассчитан на период до 2016 г., что создавало атмосферу неуверенности.

Четвертый этап – с 2014 г. по настоящее время. Характеризуется целым рядом особенностей. Во-первых, резко упали нефтяные доходы, что создало проблемы в сфере реализации социальных обязательств государства и вызвало заметное падение уровня доходов, особенно в 2015–2016 гг. Во-вторых, наметился очевидный демографический кризис, связанный со старением населения, который привел к пенсионной реформе. Это мероприятие вызвало серьезное возмущение во всех слоях общества, может быть, за исключением тех, кто лоббировал эту реформу. Поскольку кризис обозначился и надеяться на его случайное разрешение не приходилось, российское правительство попыталось во избежание отреагировать. Основным направлением социальной политики признали совершенствование человеческого капитала. К сожалению, эта модель диаметрально противоположна всей экспортно-сырьевой логике развития российской экономики за последние два десятилетия. В 2018 г. увеличена заработная плата различных категорий граждан, но по сути это была лишь попытка «подтянуть» зарплату по ее реальной покупательной способности до состояния 2014 г.

Можно сказать, что отечественное социальное государство после сравнительно благополучного этапа существования в 2008–2014 гг. снова оказалось в кризисе.

Подобное положение дел сложилось из-за целого ряда объективных условий. В первую очередь речь идет о специфике отечественной экономической модели, которая порождает систему рисков, конфликтов, а также о механизмах парирования этих рисков и конфликтов исходя из имеющихся ресурсов. Специфика отечественной экономической системы заключается в рентном характере экономики [2].

Под рентным характером экономики мы будем понимать ту ситуацию, когда значительная часть доходов создается в обществе не за счет тех или иных производств, а благодаря наличию доходов, напрямую не связанных с какой-либо экономической деятельностью, вложениями человеческого труда. Здесь возникают два вопроса: насколько велик рентный фактор в российской экономике и какие черты рентная экономика накладывает на все остальные структуры общества, в частности на социальное государство.

Обратимся к рассмотрению первого вопроса. Формально доходы от экспорта нефти и газа составляют не более 35–40 % доходов федерального бюджета на протяжении 2010–2018 гг. Наблюдаются их определенное снижение в 2015–2016 гг. в силу падения мировых цен на энергоносители и постепенное восстановление средних значений в 2017–2018 гг. по мере корректировки цены [3]. Сам по себе этот показатель достаточно велик, но следует также обратить внимание на такой аспект, как мультипликатор. Под мультипликатором в экономической науке обычно понимают коэффициент, отражающий связь между изменением (ростом или снижением) инвестиций и последующим изменением величины дохода. Применительно к российской экономике это означает, что деньги, полученные за нефть, выступают в качестве зарплат и пенсий, заказов на различные промышленные и транспортные услуги, необходимые нефтегазовым компаниям. После выполнения этих заказов работники промышленных и транспортных компаний получают зарплату и тем самым обеспечивают вторичный приток денег на потребительский рынок.

Поэтому очевидно, что значение нефтегазового сектора для российской экономики крайне велико, и в ближайшее время ситуация не изменится. Возникает вопрос: что плохого в этом с точки зрения развития социального государства?

Минусы, связанные с технологическим развитием или зависимостью от западных технологий, которые в любой момент могут стать недоступными, достаточно очевидны. Так, в начале 2019 г. США наложили запрет на поставку в РФ полимеров, используемых в авиационной промышленности, после чего официальные лица авиационной отрасли заявили о задержке выпуска среднемагистрального самолета МС-21 на два-три года [4], и таких примеров множество. Однако как экономические, политические и технологические проблемы влияют на социальное государство? Плюсы нефтяной экономики очевидны: это доходы, которые появляются без вложения обширных трудовых ресурсов. Таким образом, значительная часть национального дохода создается в условиях РФ сравнительно небольшой по численности группой населения. Отсюда формируется ряд вполне явных угроз и рисков для дальнейшей эволюции государства. Если значительная часть национального дохода создается сравнительно небольшой группой населения, то возникает желание изъять этот доход при помощи налоговой системы, если говорить о взаимодействии ТЭК и государства; или же откровенно криминальными методами, если говорить о 1990-х гг., когда государство практически ушло из экономики. После того как большая часть ресурсов изъята, начинает формироваться новый набор латентных противоречий – между обществом и бюрократией. Чиновники стремятся потратить эти ресурсы на свое процветание, общество требует свою долю. Ответный ход бюрократии представляет собой минимизацию деятельности тех каналов, посредством которых общество может воздействовать на власть: ограничение деятельности свободных СМИ, активное влияние на формирование партийной системы, фактический запрет референдумов, в последнее время – желание устанавливать цензуру в интернете, ограниченное наличием уровнем технологического развития.

В такой системе через какое-то время отказывают все социальные лифты и начинается формирование псевдосословного общества с достаточно серьезным социальным расслоением. Если будущее элиты зависит не от экономической и технологической эффективности страны и большая часть проблем решается за счет даровых природных ресурсов, все усилия элиты концентрируются на контроле за экспортными энергетическими потоками и сохранением социальной стабильности. В этой попытке сохранить достигнутое равновесие элита вынуждена делиться частью нефтегазовых доходов. Социальные права и гарантии граждан в России XXI в. все же защищены намного лучше, чем в 1990-х гг. После возвращения государства в экономику и кризиса 1990-х гг. произошло ограничение сферы «дикого рынка», когда значительная часть населения, связанная с системой управления, работой в силовых структурах, медициной, образованием, работой в так называемых естественных монополиях, различных предприятиях госсектора и ВПК, получила государственную защиту от колебаний рыночной конъюнктуры. Но эта же попытка фактически наложила запрет на дальнейшее развитие страны, так как условием нормального существования в этой системе является в первую очередь лояльность по отношению к существующей элите, все остальные свойства и характеристики вторичны.

Формирующаяся здесь модель социального государства изначально отличается рядом врожденных недостатков.

1. Люди рассматриваются не как активные субъекты, которые могут вести равноправный диалог с государством и выражать свои интересы, а как пассивные просители, которым следует что-то выделить, чтобы избежать социальных волнений. Отсюда вытекает, что формирующаяся модель социального государства не может активно реагировать на происходящие в обществе изменения, так как изначально не имеет каналов коммуникации с обществом. Какие-либо изменения в деятельности начинаются только после формирования очередного кризиса как ответ на него.

2. Ресурсы не создаются этими людьми, они создаются сравнительно небольшой социальной группой, занятой в добыче энергоносителей, поэтому и распределяются сверху вниз. В случае кризисов вопрос о их перераспределении будет решен автоматически в пользу элиты. В ходе всех экономических кризисов в РФ стабильно растет число миллиардеров, и эта ситуация является абсолютной закономерной [5].

В значительной мере такая ситуация задана структурно. Любая социальная или политическая система существует в условиях взаимодействия с внешней средой, и вполне логично, что те или иные характеристики среды накладывают отпечаток на саму систему. Социальные и политические институты общества не могут существовать в отрыве от экономических или культурных. Базовые характеристики российской экономики влияют на политические или социальные институты. Существенный объем экономических ресурсов, в создании которых не принимает участие большая часть населения, закономерно поднимает вопрос об их присвоении и последующем распределении, а также создании системы институтов, задача которых – не допустить их неконтролируемого перераспределения.

В случае производящей экономики такое невозможно, потому что большая часть людей получает не пособие от государства за лояльность, а плату за свой труд. Если им не платить, они не будут работать и экономический кризис станет неотвратим. В таком случае весь национальный доход изначально распределяется на всех занятых в процессе производства. Если в рамках рентной экономики не платить тем или иным группам населения, так как большая часть экономических ресурсов связана с деятельностью всего лишь нескольких крупноресурсодобывающих компаний, могут возникнуть проблемы с лояльностью населения, но не с экономическими аспектами.

Сформировавшаяся в России сырьевая экономическая модель в свое время внесла свой положительный вклад в развитие страны, обеспечив социальную и политическую стабильность в начале XXI в. Сегодня она становится фактором риска, порождает риски и сама подвержена им. Феномен социетальных рисков рассматривается в целом ряде работ российских и западных социологов. Особенно активно эта тема начала разрабатываться в начале XXI в., по мере того как социальная реальность стала приобретать все больше черт, связанных с эволюцией структур постиндустриального общества [6].

Под риском мы будем понимать такое переструктурирование социальной и/или политической системы, которое приведет к появлению структур, неспособных обеспечить развитие или простое функционирование системы. Риск – это имманентное свойство любой сложной системы, так как в ней изначально содержится больше элементов и потенциальных связей между ними, чем актуализировано здесь и сейчас, поэтому в любой момент существования системы возможно обретение ею новой конфигурации, но неизвестно, насколько она окажется жизнеспособной.

Базовые риски российской рентной экономической модели, связанные с ее существованием, очевидны и не раз обсуждались в отечественной науке. Это исчерпание освоенных нефтегазовых месторождений, сланцевая революция, развитие альтернативных источников энергии. Все эти факторы делают мало перспективным развитие в рамках выбранной парадигмы. Так, в докладе Министерства природных ресурсов и экологии РФ основными проблемами названы ухудшение структуры сырьевой базы нефтегазового комплекса в РФ и постоянное увеличение доли трудноизвлекаемых запасов нефти [7]. Большая часть запасов нефти в РФ – это трудноизвлекаемая сланцевая и шельфовая нефть. Таким образом, развитие сырьевой модели экономики и выстроенных на ее основе институтов неминуемо сталкивается с естественными природными ограничениями.

Другой кластер рисков связан с тем, что рентный характер экономики накладывает ряд ограничений на социальный и технологический прогресс. Создателями новых социальных практик и институтов обычно выступают восходящие социальные группы и страты, связанные с инновационными видами деятельности, находящиеся на острие научного и технологического прогресса. Они существуют в условиях технологического и социального вызова, так как принятые в обществе практики самореализации не могут в полной мере удовлетворить их потребности. Подобная ситуация приводит к массовому социальному творчеству – созданию альтернативных сетей социальных взаимодействий, формированию новых моделей восприятия реальности и связанных с ними моделей поведения. Однако отсутствие достаточного числа представителей креативного класса в экономическом пространстве будет препятствовать социальному прогрессу [8].

Социальный прогресс, неразрывно связанный с увеличением структурной сложности и связанности общества, снижением зависимости общества от природы, ускорением социального и технологического развития, не может реализовываться сам по себе. Ему требуются социальные слои, заинтересованные в прогрессивных изменениях и всячески подталкивающие их. Если таких слоев нет или их крайне мало, надеяться на ускоренную социальную эволюцию не приходится.

Отечественный вариант социального государства в силу своей незрелости и зависимости от экономики рентного характера имеет целый набор ограничений и рисков, преодолеть которые в рамках существующей парадигмы развития не представляется возможным.

Так, в частности, одним из базовых требований к социальному государству является обеспечение экономического роста и планомерное повышение уровня жизни. В условиях рентной экономики при реализации этого требования возникает ряд проблем. Так как большая часть национального дохода создается не всем обществом, а сравнительно небольшой социальной группой, возникает вопрос, как экономический рост, связанный с ростом экспорта углеводородов или повышением цен на них, может быть трансформирован в жизненный уровень населения, абсолютное большинство которого не имело к этим процессам никакого отношения.

Другое базовое требование к социальному государству предполагает сокращение социально-экономического неравенства в РФ. Этого также практически невозможно добиться до тех пор, пока значительная часть национального дохода создается узкой социальной прослойкой и перераспределяется бюрократией. Население выступает здесь в роли пассивного просителя, а не равноправного участника социально-экономических процессов.

Специфически российская проблема, связанная со старением населения и сокращением его численности, тоже оказывается малорешаемой. С одной стороны, проводится определенная государственная демографическая политика, с другой – сырьевая рентная экономика не заинтересована в людях, так как для нее они не экономический ресурс, а потребители, из-за которых часть нефтяных доходов будет потрачена не на инвестиции в зарубежную недвижимость, а на социальные программы. Политическая воля государства сталкивается с экономической логикой рынка, и, несмотря на все усилия государства, связанные с материнским капиталом, выясняется, что проблемы с жильем, доступностью образования, трудоустройством молодежи продолжают оказывать серьезное влияние на демографическое поведение населения, в силу чего оно сокращается и стареет.

Таким образом, по итогам исследования сформулируем следующие тезисы.

1. Наличие достаточно серьезного рентного фактора в структуре формирования национального дохода только в первом приближении является позитивным моментом для формирования и эволюции этноэкономической модели социального государства.

2. Рентный экономический фактор порождает множественные риски и конфликты.

3. Базовые риски, связанные с рентным фактором, сводятся к исчерпанию в среднесрочной перспективе экспортных доходов и, как следствие, формированию серьезного социально-экономического кризиса. Другой базовый риск, связанный с наличием рентных доходов, предполагает оказание воздействия на саму модель формирующегося социального государства. Это не структура, вырастающая снизу для страхования различных категорий населения, а в большей мере институт, создаваемый администрацией для перераспределения доли рентных доходов между различными слоями населения. Подобная модель не предполагает активного диалога с обществом с целью наиболее полного выражения его интересов или решения только еще формирующихся проблем. В рамках данной модели формируется стратегия реагирования на уже случившиеся кризисы, и не тогда, когда они становятся проблемой для общества, а когда на них обращает внимание администрация.

Ссылки:

1. Кочеткова Л.Н. Философский дискурс о социальном государстве : монография. М., 2012. 216 с.
2. Гурьянов П.А. Российская рентная экономика: миф или реальность // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. 2016. № 11-2. С. 293–296.
3. Там же.
4. Чемезов сообщил о задержке с выпуском МС-21 из-за санкций США на композит [Электронный ресурс] // РБК. 2019. 18 февр. URL: <https://www.rbc.ru/politics/18/02/2019/5c6aa0db9a7947074f3a0626> (дата обращения: 04.04.2019).
5. В России за два года появилось 29 новых долларовых миллиардеров [Электронный ресурс] // Там же. 2018. 19 апр. URL: <https://www.rbc.ru/business/19/04/2018/5ad82b929a79475a053b96f5> (дата обращения: 04.04.2019).
6. Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну / пер. с нем. В. Седелника и Н. Федоровой ; послесл. А. Филиппова. М., 2000. 382 с.
7. О состоянии и использовании минерально-сырьевых ресурсов Российской Федерации в 2016 и 2017 гг. [Электронный ресурс] : гос. докл. / Министерство природных ресурсов и экологии Российской Федерации. М., 2018. URL: <http://www.mnr.gov.ru/upload/iblock/9bb/Госдоклад%202017.pdf> (дата обращения: 04.04.2019).
8. Florida R. The Rise of the Creative Class. And How It's Transforming Work, Leisure, and Everyday Life. N. Y., 2002. 404 p.

References:

- Beck, U 2000, *Risk Society: Towards a New Modernity*, Moscow, 382 p., (in Russian).
- Florida, R 2002, *The Rise of the Creative Class. And How It's Transforming Work, Leisure, and Everyday Life*, New York, 404 p.
- Guryanov, PA 2016, 'Russian Rental Economy: Myth or Reality', *Mezhdunarodnyy zhurnal prikladnykh i fundamental'nykh issledovaniy*, no. 11-2, pp. 293-296, (in Russian).
- Kochetkova, LN 2012, *Philosophical Discourse about the Social State: a monograph*, Moscow, 216 p., (in Russian).